

Посиделова Виктория Викторовна
Posidelova Victoria Viktorovna

старший преподаватель кафедры иностранных языков Ростовского юридического института МВД России
кандидат филологических наук.

Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation, PhD in Philology.
Тел.: 8(905) 451-62-15.

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ
ИНВЕКТИВНОЙ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА**

The linguistic and legal aspects of invective russian vocabulary

В статье рассматриваются актуальные вопросы инвективной лексики, проводится общий анализ ее особенностей на основе семантико-лексической и тематической классификаций инвектив. Подчеркивается значимость контекста и характерных черт языковой коммуникации при определении степени оскорбительности слов.

Ключевые слова: *инвектива, инвектор, инвектум, obscene лексика, бытовой дискурс, экспрессивность, вербальная агрессия, речевой конфликт.*

The article deals with current issues of invective language. It is carried out a general analysis of invective Russian vocabulary features based on semantic and lexical and thematic classification of invectives. The author emphasizes the importance of context and characteristics of language communication in determining the degree of offensiveness of words.

Keywords: *invective, invector, invectum, obscene vocabulary, everyday discourse, expressiveness, verbal aggression, verbal conflict.*

В последние десятилетия лингвисты уделяют особое внимание исследованию инвективной лексики. Причиной такого интереса стали общие предпосылки к снижению стилей, использование инвектив не только в бытовой сфере, но и в публицистике, художественной литературе.

Среди первых и наиболее значимых исследований инвективной лексики и ее связи с национальным менталитетом можно отметить монографию В. И. Карасика «Язык социального статуса» [1] и работу В. И. Жельвиса «Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира» [2].

Снижение уровня культуры речи и повышение частоты использования инвективной лексики являются следствием общественно-политических событий, приводящих к утрате общеустановленных духовно-нравственных ценностей, изменению культуры общения, росту интолерантности, нивелированию принятых норм поведения и морали.

Не могли не повлиять на изменения в лексической системе такие общественно значимые явления, как свобода слова, демократизация, отсутствие должного контроля и цензуры и т. п. Достаточно часто инвективная лек-

сика выступает признаком социальной маркированности и дисгармонизации общения, отражает культурные и духовные ценности на ментальном уровне, поэтому ее изучение позволяет установить, какие общественные пороки осуждаются в определенный период развития цивилизации. При этом инвективы индивида представляют собой средства связи между ценностными представлениями общества и негативным отношением к человеку как носителю обусловленных черт характера, вредных привычек, нарушителя общественных норм.

В настоящее время инвективная лексика изучается социолингвистикой, юрислингвистикой, психолингвистикой, лингвокультурологией и другими смежными областями науки о языке. Каждая из перечисленных дисциплин имеет свою интерпретацию данного понятия.

Употребление инвективной лексики (от лат. *invectiva* (*oratio*) – бранная речь) содержит намерение обидеть или унижить участника коммуникативного акта. К ней относятся слова или лексические либо фразеологические конструкции обусловленного характера, нарушающие нормы речевого этикета и общественной морали (диалектные, жаргонные, просторечные),

употребленные в грубой форме с целью унижения достоинства адресата и отрицательной оценки участников коммуникации.

В состав инвективной лексики входят и различного рода «ругательства», закрепленные словарями как грубые и нецензурные. К неприличным средствам русского языка относятся табуированные (табуированные) во всех дискурсах слова и выражения: обценные понятия и речевые обороты с непристойным значением.

В научной литературе встречаются узкое и широкое понимания термина «инвектива». В первом случае это вид оскорбления, во втором – акт вербальной агрессии (употребление обценной лексики, клевета, заведомо лживые сведения и пр.).

Все инвективные ресурсы русского языка можно разделить на следующие группы:

- 1) мат, нецензурная лексика (обценные слова);
- 2) лексика со сниженной стилистической окраской (сленг, жаргон, вульгаризмы, диалектизмы, просторечие);
- 3) грубо-просторечная (бранная) лексика;
- 4) литературная лексика с отрицательной оценкой в презрительной модальности.

Каждый народ использует свои негативные характеристики для выражения общего эмоционального состояния, отождествляя адресата с различными объектами действительности. Это связано с тем, что в разных социумах исторически складываются свои критерии оценки поведения личности, менталитет и т. п.

Согласно лингвистическому анализу они содержат в себе универсальные культурные ценности, выражают агрессию, гнев, враждебность и презрение. Можно предположить, что инвективные единицы напрямую связаны с концептами, составляющими ядро языковой картины мира, и, как следствие, являются средством хранения и передачи многовекового опыта народа.

Инвективная лексика может пополняться путем заимствований из других языков, жаргонизмов и просторечия, посредством переосмысления и варьирования словарного запаса литературного языка (от нейтрального до оскорбительного, в зависимости от характера речевого общения).

Современное состояние инвективной лексики русского языка изучалось с точки зрения юридического (Н. Д. Голев), психолингвистического (В. И. Жельвис), функционального,

прагматического, лингвокультурологического (А. Ю. Позолотин) и других аспектов, что обусловило возникновение нескольких подходов к исследованию данного феномена.

В. И. Жельвис в своей работе описывает более 20 функций инвективных лексем [2]. Некоторые из них реализуются практически в любом речевом дискурсе (эмоционально-экспрессивная), другие – только при определенных условиях (коммуникативная, междометная, коннотативная). Междометная функция, например, связана с частотностью использования инвектив в речи. Выступая в роли междометного восклицания, инвективы выполняют функцию «клапана (эмоциональной разрядки)», позволяющего говорящему не сдерживать свои чувства. В этом случае остается коннотативный оттенок, необходимый для передачи таких эмоций, как пренебрежение, недовольство, гнев, враждебность, ненависть, неудовлетворенность, презрение и раздражение. Инвективы ничем не отличаются от других междометий: они выражают различные эмоции, не называя их. Используя междометную инвективу, говорящий показывает свое негативное отношение к ситуации в целом, безадресно.

Инвективы русского языка представляют собой свойственный всем языкам лексический пласт с определенными функционально-стилистическими параметрами, на которые влияют экстралингвистические факторы. Инвективная лексика, выходящая за границы литературного языка, существует в пределах эмоционально-экспрессивного просторечия. Особая эмоциональность и экономичность инвектив объясняют частоту их использования по сравнению с нейтральными средствами языка.

Главной целью употребления инвектив в разговорно-бытовой сфере является выражение негативного отношения, пренебрежения к предмету, стремление унижить и оскорбить собеседника.

Выделяют следующие особенности использования инвектив в бытовом дискурсе:

- 1) обширный диапазон употребления инвектив;
- 2) интонация инвективы;
- 4) спонтанность инвективы;
- 5) эмоционально-экспрессивный контекст.

В первую очередь функции инвективной лексики возникают и развиваются именно в бытовом дискурсе, только после этого про-

никают в другие сферы речевой коммуникации [3, с. 10]. Это обусловлено существованием данного пласта непосредственно в устной форме выражения.

Перечислим основные факторы, обуславливающие использование инвективной лексики в бытовой среде [4]:

1) коммуникативные условия, в которых находится инвектор (оскорбляющий) и адресат (инвектум);

2) социальный статус инвектора, его возраст, образование, профессия, должность и т. п.

Существует большое количество классификаций инвектив. В зависимости от признака, который положен в основу градации, выделяют: тематическую, семантическую, функциональную и другие. Следует отметить, что все классификации инвектив по тематике и семантике являются условными, что обусловлено подвижностью и диффузностью инвективной лексики. В пределах семантической классификации А. Ю. Позолотин выделяет следующие лексико-семантические группы инвектов [5]:

1) отрицательные черты характера (*руссофоб, жадина, лицемер, стерва* и т. п.);

2) заболевания и нестандартная внешность (*косой, лысый, горбатый, хромой* и т. п.);

3) интеллектуальные недостатки (*тупой, дурак, тугодум, тормоз* и т. п.);

4) отрицательные характеристики поведения (*фашист, расист, кобель, мошенник* и т. п.);

5) отрицательные характеристики образа жизни (*гулящая, бандит, пьющий, вор* и т. п.);

6) уничижительное название человека (*гнусный тип, мразь, лох, гадина* и т. п.);

7) вредные привычки (*алкаш, нарик, обжора, стукач* и т. п.);

8) отсутствие жизненного опыта (*молокосос, зеленый* и т. п.);

9) эмоциональное состояние (*бешеный, припадочный, псих* и т. п.).

Тематические группы инвективной лексики в русском языке имеют следующую градацию [3, с. 21–23]:

1. Инвективы, называющие человека по национальному признаку (*еврей, черномазый, москаль, хохол*).

2. Инвективы, называющие собеседника по гендерному признаку (*чувак, баба, чувиха*).

3. Инвективы, характеризующие человека по профессиональному признаку (*мясник, чиновник, коновал*).

4. Инвективы, называющие адресата по возрастному признаку (*молокосос, недоросль, старпер, зеленый*).

5. Инвективы, характеризующие человека по социальному происхождению (*мужлан, белая кость, простолюдин, мажор, голубых кровей*).

6. Инвективы, описывающие инвектума с точки зрения финансового статуса (*нищерброд, толстосум, мешок с деньгами*).

7. Инвективы, характеризующие адресата с точки зрения политических взглядов (типичны для публицистики) (*коммуняка, дерьмократ, ренегат*).

8. Тематический слой инвектив, указывающих на принадлежность человека к определенной социальной группе (*колхозник, быдло, бомж*).

9. Инвективы богохульства и проклятия, являющиеся неотъемлемой частью общества и языковой системы. Они употребляются не только с целью оскорбить или обидеть кого-то, но и для того, чтобы обезопасить себя «вербально» и избежать применения силы.

10. Инвективные единицы, характеризующие человека и его поступки посредством сравнения с животными (зооморфные метафоры: *свинья, осел, овца, лось*). Использование их в речи олицетворяет мифологическую и фольклорную традиции народного сознания, в котором тесно переплелись определенные свойства животных с качествами человеческого характера: *слон – неуклюжесть, черепаха, улитка – медлительность, свинья – грязь, нечистота* и т. п.

В настоящее время все чаще затрагивается тема взаимодействия человека и окружающей действительности, при этом языковые единицы через коннотативный компонент становятся способом выражения его эмоционального состояния. Экспрессивный элемент передает не только всю палитру чувств (отчаяние, злость, недовольство, радость, одобрение), но и социальные, нравственные принципы, стиль поведения, оценивание физических и умственных способностей. От степени проявления того или иного действия или признака зависит уровень экспрессии. Инвектор, употребляя нейтральную лексику, не способен в полной мере передать эмоциональное состояние. Естественно, что в инвективных выражениях будет преобладать словарный состав сниженного регистра, так как именно данный

пласт лексики позволяет должным образом воздействовать на инвектума, привлечь его внимание и избежать эмоциональной перегрузки.

Эмоционально-экспрессивная окраска инвективной лексики имеет, как правило, уничижительный характер. При восприятии того или иного события человек выражает свое положительное либо отрицательное отношение к нему через оценку, которая может производиться как с точки зрения разума, так и эмоций. Рациональная оценка базируется на интеллектуальных, культурно-исторических и морально-этических взглядах. Эмоциональная основывается на психологической составляющей человека и проявляется в виде эмотивности.

Понятия эмоциональности и оценочности близки по смыслу, но отождествлять их не следует, так как они не могут взаимозаменяться и приравняться друг к другу. Эмоциональный, экспрессивный и оценочный компоненты встречаются в разных инвективных сочетаниях. Следует также различать эмоциональную коннотацию, передаваемую словом, и ответную реакцию человека, которая может быть самой неожиданной и глубоко индивидуальной. Совершенно нейтральная лексика способна вызвать противоположные чувства: печаль или радость, ненависть или любовь, оскорбление, обиду или благодарность.

Современными лингвистами выделяются следующие группы эмоциональной лексики [6, с. 121]:

1. Слова с интенсивным значением коннотации, которые содержат не только оценку фактов, признаков, но и характеризуют людей. Они не имеют переносных значений по причине повышенной эмоциональности.

2. Многозначные понятия, которые только в переносном смысле приобретают эмоциональный признак, а по своему основному значению являются нейтральными.

3. Слова, получающие эмоциональную окраску словообразовательным (аффиксальным) способом, в частности при помощи суффиксов субъективной оценки.

4. Слова, эмоциональность которых обусловлена традицией употребления. Здесь очевидна связь с первой группой данной классификации.

Считается, что инвективная лексика связана с эмоциональным выражением в нескольких аспектах [7]:

1. Лексическая единица (инвектива) выражает эмоцию, но не передает ее (например, эмоциональные междометия, не имеющие коммуникативного адресата).

2. Инвективы, передающие эмоциональное отношение адресанта (слова, эмоционально характеризующие человека и его поведение).

3. Языковая единица (инвектива) вызывающая эмоцию, но не передающая ее.

4. Языковая единица сообщает об эмоции, не вызывая ее (это слова, характеризующие эмоции субъекта: *шутливо кивнул, радостно воскликнул, я восхищен*). Они обладают эмоциональным значением, а не эмоциональным его компонентом.

Инвективы можно рассматривать и анализировать с двух сторон: как лингвистическое явление и как субъект юридической сферы. Теме оскорбления личности уделяют внимание не только лингвисты, но и законодатели. В 2013 году Президент Российской Федерации подписал закон, предусматривающий административную ответственность за использование нецензурной брани в средствах массовой информации.

Логичным является утверждение, что инвективы как предмет лингвистики подчиняются языковым законам, а как предмет права – юридическим нормам. В связи с этим лингвист-эксперт в своем заключении должен соотносить конфликтную речевую ситуацию с правовыми нормами и юридическим языком. Соответственно, возникает проблема субъективного восприятия факта оскорбления инвектором (оскорбляющим) и инвектумом (оскорбленным). Для того чтобы доказать факт нанесения оскорбления, необходимо обосновать наличие умысла у адресанта коммуникативного акта и инвективный характер используемых выражений. Именно здесь появляется проблемный вопрос двойного восприятия оскорбительного и уничижительного характера инвективной лексики: то, что уничижительно и обидно для одного коммуниканта речи, совсем необязательно будет таковым для другого. В связи с этим исследователи предлагают разработать универсальную шкалу оценочности (инвективности) [4, с. 8–40].

Между тем употребление в общественном месте нецензурных оборотов может быть безадресным и адресным. В первом случае это приравнивается к мелкому хулиганству (оскорбление общественной нравственности, но не

конкретного лица), за которое инвектор может быть подвергнут административному наказанию – штрафу. Осудить человека за инвективную или обценную лексику, вменив ему оскорбление того или иного лица, можно только при определенных условиях. В частности, для этого высказывание должно быть публично и целенаправленно адресовано лицу или группе лиц, нести в себе прямой умысел на оскорбление и давать обобщенную оценку личности.

Другими словами, факт ругательства в адрес кого-либо еще не служит доказательством того, что налицо унижение чести и достоинства адресата. Оскорбление предполагает доказательства, при которых анализируется не только коммуникативная ситуация в целом, но и ряд определенных признаков, сопутствующих ей (контекст, условия, ситуация и вариативность). Речевой конфликт подразумевает столкновение противоположных взглядов, коммуникативных намерений, выявляемых в процессе общения.

Кроме речевого конфликта, ученые-лингвисты дополнительно выделяют понятия, с ним связанные, но не тождественные: коммуникативный сбой (Е. В. Падучева), коммуникативный

провал (Т. В. Шмелева, В. В. Красных), коммуникативная неудача (Е. А. Земская, О. П. Ермакова), коммуникативный дефект (Н. Л. Шубина). Традиционно под коммуникативной неудачей понимается полное или частичное взаимное непонимание партнеров акта коммуникации. Она может быть устранена в коммуникативном акте при помощи уточнений, пояснений, наводящих вопросов. Следовательно, не всякая коммуникативная неудача является речевым конфликтом.

Таким образом, мы определяем инвективу как лексическую единицу с признаком номинации, употребленную с целью оскорбить, унижить, задеть, дискредитировать инвектума и имеющую коннотацию неодобрения, пренебрежения, презрения, содержащую негативную оценку, воспринимаемую адресатом как оскорбительную или клеветническую информацию.

Совершенно очевидно, что инвективы содержат в себе маркер нарушения коммуникативного акта, они содействуют вербализации негативных чувств, которые впоследствии модифицируются в оскорбление, обиду и унижение адресата.

Литература

1. Карасик В. И. Язык социального статуса. М., 1992.
2. Жельвис В. И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М., 2001.
3. Вахитова Д. К. Инвективная лексика татарского языка: функциональный и этноментальный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2013.
4. Голев Н. Д. Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема // Юрислингвистика–2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000.
5. Позолотин А. Ю. Инвективные обозначения человека как лингвокультурный феномен (на материале немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005.
6. Кожина М. Н. Стилистика русского языка. М., 1983.
7. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе (на материале английского языка): дис. ... д-ра филол. наук. М., 1988.

Bibliography

1. Karasik V. I. Language of social status. Moscow, 1992.
2. Zhelvis V. I. The field of battle. Swearing as a social problem in the languages and cultures of the world. Moscow, 2001.
3. Vakhitova D. K. Invective vocabulary of the Tatar language: a functional and ethno-mental aspects: abstract dis. ... PhD in philology. Kazan, 2013.
4. Golev N. D. Originate of natural language as a linguistic problem // Juridical-linguistics–2. Russian language in its natural and legal existence. Barnaul, 2000.
5. Pozolotin A. Yu. Invective labeling of a person as linguistic-cultural phenomenon (on the material of German language): abstract dis. ... PhD in philology. Volgograd, 2005.
6. Kozhina M. N. Stylistics of the Russian language. Moscow, 1983.
7. Shakhovskiy V. I. Categorization of emotions in the lexical and semantic system (on an English language material): dis. ... doctor of philology. Moscow, 1988.